

памятников народной деревянной архитектуры, прослежено развитие построек с XVIII в. до настоящего времени, собран очень большой материал по старинной резьбе, изучены современные колхозные постройки. Работы намечено продолжить в 1951 г.

С работами русской экспедиции по изучению быта рабочих тесно связаны работы Уральской фольклорно-этнографической экспедиции, которая в 1950 г. под руководством В. Ю. Крупянской проводила свои исследования на Верхне-Исетском и Ново-Тагильском заводах, изучая производственный и семейный быт уральских металлургов. Большое внимание было уделено записям фольклора, рассказов и биографий рабочих.

Этнографическая экспедиция в Коми АССР под руководством В. Н. Белицер продолжала в 1950 г. свои исследования, начатые еще в 1945 и 1946 гг. В истекшем году работы проводились в северных районах республики, расположенных в бассейнах рек Печоры и Ижмы. Собранные экспедицией материалы относятся в основном к двум центральным темам: «Этногенез народа коми по этнографическим данным» и «Современное хозяйство и быт колхозного крестьянства в условиях крайнего севера». Собранные экспедицией в течение ряда лет материалы лягут в основу монографии по народу коми, написание которой включено в пятилетний план работы Института этнографии 1951—1955 гг.

Помимо указанных экспедиций Институт этнографии осуществил в 1950 г. ряд научных командировок как своих сотрудников и аспирантов, так и внеинститутских работников, привлеченных к разработке отдельных тем. Укажем командировки Р. С. Липец для изучения быта шахтеров Подмосковского бассейна, О. А. Ганской в колхозы Минской и Бобруйской областей, Т. Ф. Киселевой в цыганские колхозы Смоленской области, командировки аспирантов для сбора материалов по диссертациям (Г. Валиханова в Казахстан, К. Овезбердыева в Туркмению, Н. Нурджанова в Таджикистан, Л. Терентьевой в Латвийскую ССР, А. Трофимовой в Азербайджан, Л. Акаба в Абхазию, П. Тадыева в Горно-Алтайскую автономную область и др.).

Проф. Г. Ф. Дебец участвовал в антропологической экспедиции, организованной Институтом экспериментальной морфологии Академии Наук Грузинской ССР. Научный сотрудник Института этнографии В. В. Храмова принимала участие в Западно-Сибирской экспедиции Института истории материальной культуры.

Отчеты по ряду экспедиций и командировок были заслушаны на этнографическом совещании, проведенном Институтом этнографии в Москве 23 января—3 февраля 1951 г.

М. Левин

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1951 г.

23 января—3 февраля в Москве состоялось организованное Институтом этнографии Академии Наук СССР Этнографическое совещание, в котором приняли участие представители всех 16 союзных республик. Среди делегатов были представители 10 академий наук союзных республик, 9 филиалов Академии Наук СССР, 7 университетов и 23 музея. В составе делегатов были представлены 23 национальности.

Совещание открыл академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР Б. Д. Греков. В своем вступительном слове он отметил, что со времени последнего Всесоюзного совещания этнографов прошло уже более 12 лет; за этот период произошли крупные сдвиги в развитии этнографической науки. Культура и быт народов победившего социализма стали основным предметом изучения наших этнографов. Второй, не менее актуальной, задачей советской этнографической науки является теперь изучение народностей колониальных и зависимых стран, в жизни которых произошли также за этот период важнейшие перемены: сейчас нет ни одного колониального народа, который не поставил бы перед собой практически вопроса об изменении существующего режима. Наряду с этим за этнографией остается и прежняя ее ведущая роль в деле изучения истории первобытного общества, получившего теперь новый толчок в своем развитии благодаря гениальным работам И. В. Сталина по вопросам языкознания. Академик Б. Д. Греков пожелал участникам совещания успеха в предстоящей работе, главная цель которой — подвести итоги этнографическим исследованиям последних лет, критически обсудить имевшиеся ошибки и недостатки и наметить дальнейший путь развития советской этнографической науки в связи с планом работ второй послевоенной сталинской пятилетки.

С первым докладом на совещании выступил директор Института этнографии АН СССР доктор исторических наук С. П. Толстов. В этом докладе, озаглавленном «Основные проблемы и очередные задачи советской этнографии», он охарактеризовал коренной перелом, происшедший в развитии советской этнографической науки за годы послевоенной пятилетки. Если в прошлом этнография занималась по преимуществу вопросами первобытно-общинного строя и его пережитками в современности, то теперь на первый план выдвигается задача изучения современной жизни народов: культуры и быта социалистических наций в СССР и народов зарубежных стран и,

в частности, таких проблем, как формирование новых, социалистических наций в СССР, формирование наций в условиях колониального режима и т. д. Изучение пережитков докапиталистических общественно-экономических формаций направлено теперь на активную борьбу с ними — за коммунистическое воспитание масс.

Докладчик подробно остановился на главнейших трудах, выполненных Институтом этнографии АН СССР за период пятилетия 1946—1950 гг., и ознакомил совещание с тематикой и содержанием работ, запланированных на пятилетие 1951—1955 гг. Он указал, что одной из главных задач на ближайшее время является изживание порочных, идеалистических концепций Н. Я. Марра по вопросам языкознания, оказавших влияние на такие важнейшие разделы этнографии, как история первобытного общества и изучение проблем этногенеза. В плане научно-исследовательской деятельности Института этнографии АН СССР во втором послевоенном пятилетии отражены общие задачи идеологической работы в период постепенного перехода от социализма к коммунизму; намеченные исследования обеспечивают дальнейшее приближение этнографической науки к практическим нуждам строительства коммунизма. При постановке задач, связанных с исследованием этногенетических проблем и национального вопроса, Институт руководствуется сталинской теорией нации и, в частности, гениальными трудами И. В. Сталина — «Национальный вопрос и ленинизм» и «Марксизм и вопросы языкознания».

Планируемые работы Института будут осуществляться путем координации научных исследований с этнографическими центрами союзных республик; одним из первых мероприятий по линии такой координации является настоящее совещание, на котором будут широко обсуждены важнейшие этнографические проблемы, подлежащие разработке советскими этнографами в ближайшие годы. В заключение докладчик призвал присутствующих на совещании к участию в творческих дискуссиях по узловым вопросам этнографии, антропологии и фольклористики, которые Институт намеревается осуществить как на специальных дискуссионных сессиях и совещаниях, так и на страницах журнала «Советская этнография».

После доклада С. П. Толстова совещание заслушало доклад доктора исторических наук П. И. Кушнера на тему «Этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства». Докладчик сообщил, что с 1948 г. Институт этнографии АН СССР систематически изучает быт колхозного крестьянства различных народов СССР; пример и опыт Института подхвачены другими этнографическими учреждениями страны, о чем свидетельствует значительное число докладов делегатов союзных и автономных республик по колхозной тематике, включенных в программу секционных заседаний настоящего совещания.

Характеризуя задачи и методы этнографического изучения колхозного крестьянства, П. И. Кушнер указал, что эта работа должна содействовать быстрее перестройке быта колхозной деревни. Формы социалистической культуры и нового быта должны изучаться с тем, чтобы их популяризировать; вместе с тем нужно выявлять пережиточные явления в быту, которые мешают распространению социалистической культуры.

Метод тематического исследования отдельных сторон быта колхозников следует сочетать с монографическим этнографическим изучением колхозов, имеющим громадные преимущества, так как он предоставляет возможность глубже выяснить взаимосвязь изучаемых явлений производственной жизни, культуры и быта. Однако и отдельные тематические исследования имеют значение в связи с решением некоторых практических вопросов современного культурного строительства; к таким неотложным вопросам относится, например, начатое уже Институтом этнографии исследование колхозного жилища, особенно актуальное в связи с происходящим укрупнением колхозов и строительством новых колхозных поселков.

Характеризуя методы этнографического изучения различных сторон жизни колхозного крестьянства в ее национальной специфике, П. И. Кушнер посвятил особый раздел своего доклада теме формирования нового человека в условиях колхозной общественной среды; он рекомендовал в исследовании этого процесса обращать особое внимание на колхозную демократию, участие женщин и молодежи в производстве и руководящей работе, не упуская в то же время из виду и общих условий жизни советской общественности — активного воздействия социалистического государства, идеологической и организаторской роли партии и ее первичных организаций.

С содокладом выступил представитель Института истории Академии Наук Грузинской ССР А. И. Робакидзе на тему «Некоторые стороны быта рабочих Чиатурской марганцевой промышленности». Докладчик изложил чрезвычайно интересные материалы, собранные экспедицией Грузинской Академии Наук, направленной в 1950 г. в один из старейших центров промышленности Грузии — Чиатуры. В дореволюционный период в процессе формирования сознания чиатурских горнопромышленных рабочих огромную роль сыграла революционная деятельность товарища Сталина, его личное участие в дискуссиях, митингах и революционной борьбе, в организации Чиатурского уездного комитета партии. А. И. Робакидзе ярко показал перестройку быта чиатурских рабочих за годы советской власти, рост их материального благосостояния и культуры. Приведенные им конкретные примеры свидетельствуют, что на предприятиях чиатурской марганцевой промышленности созданы все условия, способствующие наиболее полному развитию творческих способностей и удовлетворению

все возрастающих культурных потребностей чистурских горнопромышленных рабочих, условия, определившие развитие их социалистического сознания.

После А. И. Робакидзе сделали сообщения о работе по изучению культуры и быта колхозников и рабочих от Казанского филиала АН СССР доктор исторических наук Н. И. Воробьев, от Академии Наук Украинской ССР — кандидат исторических наук И. Ф. Симоненко, от Академии Наук Узбекской ССР кандидат исторических наук В. Г. Мошкова, от Якутского филиала Академии Наук СССР кандидат исторических наук О. В. Ионов, от Государственного этнографического музея народов СССР (в Ленинграде) Е. Н. Студенецкая и др.

По заслушанным докладам развернулись оживленные прения.

Доклад доктора исторических наук С. А. Токарева был посвящен теме «Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии»¹. Докладчик осветил важность и актуальность изучения всего огромного наследства, накопленного многовековым развитием этнографических знаний в нашей стране. Недостаточная изученность истории отечественной этнографии объясняется непреодоленным еще до недавнего времени влиянием космополитствующей буржуазной науки, которая с пренебрежением относилась к славным традициям передовой культуры, замалчивая несомненный приоритет русской науки во многих важнейших вопросах и предпочитая низкопоклонствовать перед второстепенными зарубежными авторами. Сообщив о запланированной Институтом этнографии на ближайшие годы работе по созданию труда «История русской этнографии, антропологии и фольклористики», С. А. Токарев изложил выработанную авторским коллективом этого исследования схему периодизации, согласно которой история развития этнографии в дореволюционной России делится на 8 этапов (от XI—XII вв., когда уже с началом русской письменности появляются в летописях первые описания народов, и до 1917 г.), а советский период распадается на 4 этапа (1917—1928 гг., 1929—1934 гг., 1934—1941 гг. и 1941 — доныне).

Обосновав принципы такой периодизации и основные черты, характеризующие каждый из этапов, докладчик подчеркнул идеологическое влияние на развитие этнографии в 40—60-х гг. XIX в. великих русских революционных демократов — Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Для периода 1870—1890-х гг. особенно важным фактором было влияние марксизма на русскую этнографию, обусловившее появление первых русских этнографов-марксистов. В советский период наибольшее значение для этнографической науки имели годы с 1934 по 1941, ознаменовавшиеся важнейшими решениями партии по вопросам истории. На последнем, современном этапе поистине историческое значение для советской этнографии имеют постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Следующим выступил член-корр. Академии Наук Грузинской ССР Г. С. Читая с докладом «Грузинская советская этнография в послевоенной пятилетке». В начале доклада он остановился на традициях грузинской этнографии, истоки которой восходят к древнейшим описаниям нравов и обычаев грузинских племен, сохранившимся в хеттских, ассирийских и урартских клинописях. После краткого историографического обзора этнографических исследований в Грузии дореволюционного периода и советского — до Великой отечественной войны докладчик приступил к изложению основной своей темы — к характеристике работ послевоенного периода, которые ставили своей задачей исследование следующих проблем этнографии Грузии: 1) этнический состав населения Грузии; 2) проблема периодизации истории грузинского народа; 3) этногенез и культурно-исторические проблемы; 4) социалистическая культура и быт (изучавшиеся в колхозах и на промышленных предприятиях республики).

Большим достижением коллектива этнографов Академии Наук Грузинской ССР, наряду с плодотворным изучением вышеуказанных проблем, явилось написание ими курса этнографии Грузии для высших учебных заведений; чрезвычайно интересен также опыт организации этнографического стационара, развернувшего в 1950 г. работу в Хевсуретии. В Грузии широко поставлена этнографическая работа, концентрирующаяся более чем в 10 научных центрах: в Отделе этнографии Института истории АН Грузинской ССР, на кафедре этнографии Государственного университета имени Сталина, в Абхазском и Юго-Осетинском научно-исследовательских институтах, в музеях и т. д.

По докладам С. А. Токарева и Г. С. Читая также состоялся ряд выступлений. Н. Н. Степанов (Всесоюзное географическое общество), согласившись с правильностью периодизации истории русской этнографии в целом, указал на необходимость ее доработки и на чрезмерную дробность этой периодизации в дореволюционный период (8 этапов); по его мнению, следует уделить значительное место в подготовляемом труде Герцену и Шапову, роль которых в развитии этнографии часто незаслуженно преуменьшается.

В. Е. Гусев (Челябинский педагогический институт) все свое выступление посвятил освещению роли Герцена в истории этнографии; он сообщил интересные данные об этнографических и фольклорных исследованиях Герцена во время его ссылки в Вятскую губернию и о его этнографических трудах, опубликованных в вятских и владимирских «Губернских Ведомостях».

¹ Переработанный доклад см. в настоящем номере журнала.

А. М. Жиренчин (Алма-Ата, Казахстанский государственный музей) предложил дополнить доложенную С. А. Токаревым схему истории отечественной этнографии данными об этнографических деятелях — представителях других народов СССР, кроме русских; в частности, таким выдающимся деятелем был первый казахский ученый-демократ Чокан Валиханов, видными этнографами Казахстана были также Диваев, Копеев, Абай Кунанбаев, педагог-просветитель Алтынсарин. При разработке истории этнографии надо как в дореволюционном, так и в советском периоде больше уделить места развитию этнографической науки у народов Советского Союза.

Проф. Р. А. Пельше (Академия Наук Латвийской ССР) одобрил периодизацию, доложенную С. А. Токаревым в части советской эпохи. Что же касается дореволюционного периода, то здесь, по его мнению, недостаточно обоснованы и показаны качественные отличия этнографической науки на каждом из 8 этапов ее развития.

Все выступавшие единодушно отметили, что составление периодизации истории этнографии, фольклористики и антропологии за все время развития этих наук само по себе представляет огромный, чрезвычайно полезный труд, заслуживающий одобрения и благодарности авторскому коллективу.

Далее был заслушан доклад доктора исторических наук М. О. Косвена «Основные проблемы истории первобытного общества и их положение в советской науке». Главная часть доклада содержала обзор вопросов первобытной истории, требующих нового рассмотрения и доработки. Важнейшим из таких вопросов является периодизация истории первобытного общества, которая будет предметом специального обсуждения на организуемой в 1951 году Институтом этнографии дискуссии по данной теме.

Периодизация, предложенная в 70-х гг. XIX в. Морганом, сказал М. О. Косвен, в свое время сыграла положительную роль и была в основном принята Энгельсом. В настоящее время, в свете вновь накопленного огромного антропологического, археологического и этнографического материала, в особенности же в свете высказываний Ленина и Сталина по вопросам первобытной истории, эта периодизация обнаруживает крупнейшие недостатки, отличаясь схематизмом и ошибочностью положенных в ее основу признаков. Она оказывается неудовлетворительной не только в применении к первобытной истории, но и к этнографии, ибо Морган, признавая фактор времени «несущественным», исключал, таким образом, принцип историчности при изучении общественных укладов современных отсталых народов и племен. Перед советской наукой стоит задача критического разбора периодизации Морганом и разработки новой, соответствующей современному этапу развития марксистской исторической науки, периодизации истории первобытного общества.

Наряду с этой проблемой докладчик осветил еще целый ряд дискуссионных вопросов истории первобытного общества, подлежащих критическому пересмотру и углубленному изучению в ближайшие годы. Таковы уже отвергнутая специалистами гипотеза кровнородственной семьи, вопрос о ранней фазе развития родового строя, об историческом соотношении рода и племени, вопрос о так называемой военной демократии и др.

По докладу М. О. Косвена развернулись оживленные прения.

Проф. С. А. Токарев в своем выступлении указал, что необходимость критического пересмотра и замены моргановской периодизации истории первобытного общества представляется ему несомненной; тем не менее в докладе М. О. Косвена он не видит еще попытки предложить новую периодизацию. Докладчик полагает, что первым этапом был период первобытного стада, но этот этап не может быть определен никаким этнографическим материалом — общество такого раннего этапа мы не знаем. Не ясен из доклада М. О. Косвена и последний период развития первобытного общества, — он сам говорит, что неизвестно еще, можно ли считать «военную демократию» самостоятельным историческим периодом или это лишь политическая надстройка. Таким образом, остается период родового строя — два его этапа, на которые должен быть разбит весь огромный материал этнографии по первобытному обществу, этапы матриархата и патриархата. Однако четкой грани между этими этапами до сих пор не установлено ни в археологии, ни в этнографии, и, повидимому, такую грань определить невозможно. Приходится отметить незавершенность попытки М. О. Косвена построить периодизацию; необходима большая коллективная работа для осуществления этой задачи.

Профессор П. И. Борисковский (Институт истории материальной культуры, Ленинградское отделение) предложил в качестве новой периодизации истории первобытного общества принять разрабатываемую советскими археологами периодизацию, построенную сообразно со способами хозяйственной деятельности человека. Основное отличие одного периода от другого советская археология видит в изменении форм производства, другой принцип и не может быть положен в основу периодизации. Разумеется, и существующая археологическая периодизация должна быть критически пересмотрена и развита. В этом сыграет большую роль подготовляемая Институтом этнографии дискуссия по данной проблеме.

Далее выступали в прениях М. В. Саидова, Гозалишвили, П. И. Кушнер, С. П. Толстов

цией, оговорившись, что она является еще условной и представляет собой лишь первоначальный черновой набросок, главные принципы новой схемы, основанной на высказываниях Ленина и Сталина.

Он, как и П. И. Борисковский, пришел к выводу, что археологические данные должны быть положены в основу периодизации истории первобытного общества. Бесспорно, что в качестве наиболее раннего этапа развития общества следует выделить период первобытного человеческого стада, переходный от животного к человеку; археологически это нижний и средний палеолит, антропологически — это палеоантроп. Об общественной организации этого периода мы ничего сказать не можем, поскольку теория кровнородственной семьи сейчас уже не выдерживает критики. Первобытный общинно-родовой строй представляет собой общественно-экономическую формацию, которую нельзя делить на «дикость» и «варварство». Внутри его имеются исторические подразделения другого характера, базирующиеся на данных археологии о развитии производительных сил с точки зрения общественных отношений. Общинно-родовой строй делится на три периода: 1) эпоха доплеменная, эпоха родового строя, во время которой идет постепенный процесс развития матриархальных отношений; 2) эпоха матриархального рода; 3) эпоха патриархального рода.

Вопрос о военной демократии следует пересмотреть, «Я все более прихожу к выводу,— сказал С. П. Толстов,— что это явление надстроечного порядка, совпадающее с периодом патриархального рода. В сопоставлении с археологическим материалом эпоха развивающихся материнских родов без племенных форм, по всей вероятности, охватывала период до неолита. Классический неолит соответствует матриархальному племени. Переход к патриархально-родовому строю характеризуется появлением металлов, началом разложения родового строя и той политической надстройкой, которую Морган и Энгельс назвали «военной демократией».

Кандидат исторических наук И. И. Потехин выступил на совещании с докладом «Задачи этнографического изучения народов колониальных стран». Советская этнография, сказал докладчик, не может ограничиваться дальше задачами изучения отсталых в своем развитии народов колониальных и полуколониальных стран лишь в целях исследования вопросов первобытно-общинного строя. Колониальная система империализма переживает глубокий кризис. Национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран стало уже органической частью общей борьбы антиимпериалистического, демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Советские этнографы своими исследованиями должны всемерно содействовать разработке проблем национально-освободительного движения этих народов. Если ученые лакеи империализма «объясняют» отсталость последних расовыми особенностями, а колониальные державы используют ее для оправдания своего господства, то нашей задачей является прежде всего установление истинных причин отсталости народов колониальных и зависимых стран. Для этого необходимо изучение истории конкретных народов до и особенно после установления империалистического господства, которое является главной причиной их современной отсталости. Важнейшая задача этнографов — показать народы колоний и полукolonий, их общественный строй, материальную и духовную культуру такими, какие они есть сегодня, в условиях кризиса колониальной системы. В этом плане докладчик выдвинул главные проблемы, подлежащие исследованию в ближайших годах; это, во-первых, изучение общественно-экономического строя и разоблачение реакционной политики консервации родоплеменной организации, политики, проводимой империалистическими державами с целью укрепления своей социальной опоры в колониях; во-вторых, изучение процесса формирования народностей и буржуазных наций в условиях колониального режима, задерживающего и осложняющего этот процесс. Институт этнографии уже приступил к разработке этой важной проблемы. И, наконец, не менее актуален вопрос о путях формирования и развития национальных общностей населения таких стран, как Китай, Корея, Вьетнам, уже освободившихся от гнета империализма.

Изучение народов колониальных и полуколониальных стран, заключил докладчик, неразрывно связано с непримиримой, принципиальной борьбой против современной буржуазной этнографии, в особенности с разоблачением реакционной, антинаучной сущности английской функциональной и американской психорасистской школ, полностью поставивших себя на службу империализму.

В состоявшемся затем докладе кандидата исторических наук Т. А. Жданко «Итоги экспедиционных работ Института этнографии Академии Наук СССР за 1950 г.» были освещены на конкретных примерах работы экспедиций Института основные методологические установки современных полевых этнографических исследований. От «стихийных» единичных поездок отдельных сотрудников для разработки индивидуальных тем Институт этнографии перешел к организации крупных комплексных, хорошо технически оборудованных многолетних экспедиций, которые имеют четкий план исследований и обеспечивают своими материалами разработку первоочередных актуальных научных проблем советской этнографии. Соответственно изменилась и тематика экспедиций — в последние годы она была направлена на исследование таких важных вопросов, как культура и быт колхозного крестьянства, культура и быт рабочих народов СССР, изучение процесса консолидации социалистических наций, изучение жилища народов СССР; впервые Институтом осуществлен опыт археолого-этнографических исследований в зонах великих сталинских строек коммунизма — на

трассе Главного Туркменского канала и в Верхнем Поволжье. Экспедиции и рекогносцировочные отряды Института этнографии осуществили в 1950 г. полевые исследования в 12 союзных, 5 автономных республиках и одной автономной области — среди русских, украинцев, белоруссов, башкир, коми-пермяков, эстонцев, латышей, чукчей, узбеков, таджиков, туркмен, каракалпаков, казахов, грузин, аварцев, осетин, лаков, азербайджанцев, алтайцев, абхазцев, греков Приазовья, сибирских татар и белуджей; работа велась более чем в 70 колхозах и на 20 крупных промышленных предприятиях. Собранный материал полностью используется для разработки плановых тем Института.

Из выступлений по докладу Т. А. Жданко следует отметить вызвавшую всеобщее внимание речь художника-консультанта творческого кабинета Общесоюзного дома моделей т. Семеновой, говорившей о значении для работы по прикладному моделированию одежды материалов по современной народной одежде, собираемых экспедициями Института этнографии. Частично эти материалы уже используются художниками Дома моделей. В дальнейшем намечается участие сотрудников Дома моделей в экспедициях Института этнографии для работы по изучению национальных форм одежды в различных районах Советского Союза и направление их в творческие командировки в республики и области для работы в этнографических учреждениях и краеведческих музеях. Тов. Семенова обратилась к участникам совещания с просьбой содействовать также и на местах работе домов моделей, имеющих сейчас в 10 городских центрах нашей страны, кроме Москвы.

Большой интерес и оживленные прения вызвал доклад доктора исторических наук Н. Н. Чебоксарова «Современное состояние и очередные задачи изучения проблем этногенеза в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания».

Вопросами происхождения народов, сообщил докладчик, люди интересовались с глубочайшей древности. Вопросы эти ставились в «этногенетических» легендах и преданиях эпохи первобытно-общинного строя, во многих древневосточных и античных источниках, в средневековых письменных памятниках (например, русских летописях). С XVIII в. начинается научная разработка проблем этногенеза. В России над ними работали такие выдающиеся ученые, как В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов. В XIX и начале XX в. вопросы этногенеза в России и за рубежом разрабатывались преимущественно лингвистами, допускавшими в своих исследованиях многочисленные методологические и фактические ошибки.

В понимании советских ученых проблемы этногенеза охватывают этногенетические процессы на всем протяжении человеческой истории — от эпохи первобытно-общинного строя до настоящего времени, когда формирование отдельных народов может происходить и в условиях капиталистического или социалистического общества. По самой своей сущности проблемы этногенеза являются комплексными и могут быть правильно разрешены только в процессе коллективного труда историков (в особенности этнографов и археологов), языковедов, антропологов и др. Этнографии принадлежит одно из важнейших мест в разработке вопросов этногенеза, поскольку она исследует историю формирования культурной специфики народа, теснейшим образом связанную с историей формирования самого народа.

Многие советские исследователи в своих работах по этногенезу допускали серьезные ошибки, связанные с влиянием порочной теории языка Н. Я. Марра и его последователей. Особенно вредными в этом отношении были такие положения «марристов», как признание фантастических «революционных взрывов» в развитии языка, переоценка исторической роли племенных и языковых скрещений, огульное отрицание переселений, игнорирование языкового родства между близкими народами. В настоящее время перед советской наукой стоит первоочередная задача быстрейшего преодоления этих ошибок и дальнейшего углубления разработки вопросов происхождения народов в свете новейших работ И. В. Сталина по языкознанию. Особое внимание следует обратить на разработку вопроса об исторической общности формирования всех славян, «языковое родство» которых, по словам И. В. Сталина, «не подлежит сомнению». Большой интерес для проблемы этногенеза славян представляют вопросы формирования неславянских народов стран народной демократии (румыны, венгры, албанцы) и народов Прибалтики, тесно связанных со славянами на всем протяжении их истории.

В прениях по докладу об этногенезе выступили 7 человек.

Доктор исторических наук Н. И. Воробьев (Казань, филиал АН СССР) в связи с заслушанным докладом изложил некоторые итоги своих исследований по этногенезу народов Поволжья, в частности казанских татар, чувашей и относящихся к финноугорской языковой группе удмуртов и мордвы. Он указал на недостаточное участие лингвистов в разработке вопросов этногенеза.

Доктор медицинских наук В. В. Гинзбург (Академия медицинских наук) выступил по вопросу о значении антропологических материалов в разработке вопросов этногенеза народов Средней Азии.

Кандидат исторических наук Л. И. Лавров остановился в своем выступлении на сложном вопросе формирования многонационального населения Дагестана и высказал свои гипотезы по поводу причин, обусловивших такую исключительную многоязыч-

специфическое явление, он видит в широком распространении с давних времен в Дагестане эндогамных форм брака. Разумеется, неправильно приписывать экзогамии главную роль в разрушении первобытной языковой дробности, заметил Л. И. Лавров; такую роль играл экономический обмен и всякого рода военные союзы против общего врага; но там, где существовала экзогамия, процесс разрушения языковой дробности неизбежно ускорялся.

В обширном критическом выступлении В. И. Лыткина (Институт языкознания АН СССР) было уделено много внимания ошибкам этнографов, которые в своих этногенетических исследованиях, по его мнению, совершенно игнорируют лингвистический материал. Между тем язык, согласно учению товарища Сталина, является одним из основных признаков этнической общности на любой ступени ее развития: племени, народности, нации. Он указал на ряд ошибочных, марристских трактовок этнографами языкового материала при решении проблем этногенеза, а также на некритическое восприятие ими марровской теории абсолютной автохтонности народов. В. И. Лыткин считает, что в этнографической литературе не только отсутствовала критика Марра и его приверженцев, но имелось много фактов пропаганды его «палеонтологического метода». В качестве доказательства он привел ряд цитат из работ Н. Н. Чебоксарова в области этногенеза.

Взявший слово в конце прений по докладу Н. Н. Чебоксарова С. П. Толстов ответил В. И. Лыткину, сославшись на свою статью в № 4 журнала «Советская этнография», где он отмечал отсутствие критики концепций Н. Я. Марра со стороны этнографов; что же касается теоретических построений некоторых учеников и последователей Марра в области археологии и этнографии (Равдоникаса, Гринковой и др.), то их попытки провести марровские положения в применении к ряду этнографических проблем вызвали в свое время со стороны этнографов резкий протест. Это объясняется тем, что часть марровских установок была уже изжита в этнографии.

С. П. Толстов отметил, что В. И. Лыткин вполне прав, указывая на то, что этнографы не использовали лингвистический материал при исследованиях в области этногенеза. Но это объясняется лишь тем, что лингвисты, за исключением работников Грузии, совершенно не занимались со времени смерти Н. Я. Марра этими сложными проблемами. Это может быть объяснено двояким образом: либо они понимали порочность марровских установок, но не решались или не желали поднять голос критики против этих ошибочных положений, сознательно их замалчивая, либо они оказались бессильными работать в этом направлении методами Марра. Так или иначе, но разработка этногенетических вопросов в лингвистической литературе за последние годы полностью прекратилась. В этом одно из крайне отрицательных проявлений арачьевского режима в языкознании. Положение этнографов оказалось весьма трудным. На каждой сессии по этногенезу, на совещаниях Института этнографии постоянно высказывалась неудовлетворенность по поводу недостаточной работы лингвистов, их пассивности в разработке этих актуальных вопросов. Только сейчас лингвисты начинают в этом отношении перестраиваться. Сейчас перед нами стоит задача начать совместную работу — не только с археологами, антропологами и историками, но и с языковедами, которые должны провести пересмотр лингвистической науки не только в целом, но и в применении к каждому конкретному народу и его языку.

После Н. Н. Чебоксарова совещание заслушало доклады антропологов. М. Г. Левин выступил с докладом «Основные проблемы и очередные задачи советской антропологии». Он остановился на характеристике достижений советской антропологии в разработке важнейших теоретических проблем. Впервые поставлена и разработана советскими антропологами проблема факторов происхождения человека и взаимодействия биологических и социальных закономерностей в его эволюции. Широко развернулись исследования в области этнической антропологии, связанные с разрешением вопросов этногенеза. Разработана построенная на новых принципах классификация антропологических типов. Ведутся углубленные палеантропологические исследования. М. М. Герасимовым открыт метод восстановления внешнего облика человека по костным остаткам.

Далее, М. Г. Левин остановился и на тех серьезных ошибках антропологов, которые имели место, в первую очередь из-за некритического отношения к различным немарксистским теориям, и были обусловлены недостаточно глубоким овладением теорией марксизма-ленинизма. До недавнего времени в антропологических работах сказывалось влияние морганистско-менделистской генетики. Антропологические исследования по этногенезу отражали во многих случаях порочные взгляды Марра и его школы. В исследованиях по антропогенезу недостаточно учитывались работы И. П. Павлова, в первую очередь его учение о второй сигнальной системе.

Важнейшие задачи, которые стоят сейчас перед советскими антропологами, — это продолжение разработки проблем этногенеза (в первую очередь — русского населения, народов Кавказа и Прибалтики); расширение работ, связанных с изучением онтогении в свете теории академика А. Н. Северцова и его школы; изучение в контакте с физиологами и психологами проблемы возникновения речи, исходя из гениальных трудов И. В. Сталина и учения И. П. Павлова. Необходима организация комплексных экспедиций по поискам костных остатков ископаемых гоминид. Планируются работы по составлению антропологической карты СССР; осуществляется унификация антропологической методики.

С огромным интересом совещание заслушало доклад лауреата Сталинской премии М. М. Герасимова «Восстановление лица по черепу». Остановившись на бесплодных попытках ряда зарубежных ученых реконструировать облик ископаемого человека по костным остаткам, М. М. Герасимов указал, что основным источником их неудач было метафизическое представление об отсутствии корреляции между черепом и формой мягкого покрова, а также переоценка степени расовых отличий. Сопровождая доклад большим графическим, фотографическим и скульптурным иллюстративным материалом, он изложил основные принципы своего метода восстановления лица по черепу. Затем он привел множество примеров проверки этого метода на черепах современного человека путем скульптурных и графических реконструкций и сличения полученных портретов с фотографиями, снятыми при жизни. Метод пластической реконструкции получил применение в практике следственных органов в случае необходимости опознания личности неизвестного; лаборатория М. М. Герасимова постоянно выполняет эти работы.

Как скульптурным, так и графическим методом реконструкции воспроизведен ряд портретов исторических деятелей; применение его открывает новый путь в решении многих вопросов расо- и этногенеза.

Многие участники совещания выступили после доклада М. М. Герасимова с возмущенной оценкой замечательных результатов практического применения нового метода этого талантливого ученого.

Доклад «Вопросы изучения советского народно-поэтического творчества» сделал на совещании доктор исторических наук В. И. Чичеров. Он указал, что народно-поэтическое художественное творчество имеет большую ценность не только как своеобразная форма создаваемого трудящимися массами искусства, но и как материал, помогающий разрешить сложные проблемы этногенеза, истории культуры и быта народа, развития мировоззрения народа — проблемы, на исследование которых направлено внимание этнографов, историков, философов. Особую ценность в этом отношении имеет народное поэтическое творчество, создаваемое в условиях советской эпохи. Оно отражает советскую действительность, оценивает ее, исходя из интересов трудящихся, и служит социалистическому строительству, являясь одним из средств коммунистического воспитания.

В. И. Чичеров подробно изложил основные положения советской фольклористики по вопросу о методике исследования народно-поэтического творчества и указал на важность борьбы с традициями буржуазно-либеральной науки, которые сохранялись в фольклористике вплоть до послевоенного времени (веселовщина, компаративизм, мифологизм и др.).

Особый раздел доклада он посвятил вопросу о взаимосвязях народно-поэтического творчества с советской литературой. Сближение литературы и фольклора в условиях советской действительности, сказал докладчик, приводит не к поглощению первой второго, а к гармоничному соединению их и к мощному расцвету как творчества писателей-профессионалов, так и творчества мастеров народного искусства, произведения которых органически связаны с их непосредственной трудовой деятельностью.

В прениях по докладу В. И. Чичерова выступили профессор П. Г. Богатырев (МГУ), П. Д. Павлий (АН УССР), Я. Я. Ниедре (АН Латвийской ССР), А. К. Ионинас (Литовская ССР), Х. Х. Ярмухамедов (Татарская АССР), В. Г. Базанов (Карело-финский филиал АН СССР).

П. Г. Богатырев информировал совещание о работах, ведущихся в области изучения фольклора в славянских странах народной демократии — в Польше, Болгарии и др. В настоящее время там появился ряд работ, разоблачающих учение Марра и пороки его школы. Он поставил также ряд теоретических вопросов, касающихся языкознания и фольклористики, которые предложил обсудить на заседаниях секции фольклора.

П. Д. Павлий особенно одобрительно отнесся к той части доклада, где В. И. Чичеров подчеркивал необходимость исторического изучения народно-поэтического творчества, а также к разделу, анализирующему художественную самостоятельность как форму проявления народно-поэтического творчества. Что касается критической части доклада В. И. Чичерова, то в ней, по мнению П. Д. Павлия, были недостаточно полно указаны ошибки фольклористов, ее следовало развить и заострить.

Эту же мысль выразил В. Г. Базанов, сказавший, что ожидал более принципиального и самокритичного доклада, в котором вскрывались бы ошибки не столько Буслаева, Веселовского, Миллера, сколько современных советских фольклористов, в том числе самого В. И. Чичерова; в частности, на его анализе русского былинного эпоса сказывается свойственное и другим нашим фольклористам увлечение формально-сравнительным методом, отражающим влияние Веселовского и приведшим к так называемой теории вариантности. Последнее десятилетие национальный русский былинный эпос изучался только с точки зрения местных вариантов. Вторая ошибка советских фольклористов заключается в чрезмерной гиперболизации личного начала в фольклоре. Личность певца или сказителя у нас заслоняет народное творчество в целом. Большим достоинством в докладе В. И. Чичерова В. Г. Базанов считает то, что фольклористика в нем тесно связывается с этнографией.

Один из докладов совещания, сделанный доктором исторических наук Л. П. По-

таповым, был посвящен теме «Основные вопросы этнографической экспозиции в советских музеях»³.

Деятельность наших музеев, сказал докладчик, направлена в помощь выработке научного коммунистического мировоззрения и преодоления пережитков капитализма в сознании советских граждан, в помощь развитию патриотизма и преданности советскому народу и государству, мобилизации на борьбу за построение коммунистического общества. В связи с этим основной принцип этнографической экспозиции музеев заключается в том, что она должна быть идейной, политически заостренной, доходчивой, насыщенной глубоким научным содержанием.

Не всякое явление народной культуры и быта должно встречать положительную оценку и пропагандироваться в экспозиции; напротив, некоторые явления народного быта должны получать подчеркнуто отрицательную оценку, как порожденные культурной отсталостью народа в условиях царизма. Те же национальные формы культуры и быта, которые отражают положительный народный опыт, раскрывают творческие дарования народа и являются целесообразными и в современных условиях, должны быть подчеркнуты как положительное культурное наследство, подлежащее сохранению и развитию.

Основным материалом этнографической экспозиции должны быть подлинные вещи, характеризующие этнографическое своеобразие народа. Пояснительные тексты, фотографии, картины и пр. являются вспомогательным материалом.

Этнографические вещевые памятники народной культуры и быта, накопленные нашими музеями, составляют ценнейшее национальное богатство, государственное достояние. Они должны не только хорошо храниться, изучаться и пополняться новыми сборами — их нужно поставить на службу народу, сделать доступными для обозрения, для использования в научно-просветительных целях.

В прениях по докладу выступила сотрудница Алма-Атинского государственного музея М. И. Попова, сообщившая о трудностях в работе краеведческих музеев из-за отсутствия материалов для экспозиции по истории советского периода. С другой стороны, на местах есть тенденции и к недооценке старых музейных экспонатов, не обеспечено должным образом их хранение и изучение. Участники совещания реагировали долгими аплодисментами на пожелание М. И. Поповой о восстановлении в Москве этнографического музея народов СССР, экспонаты которого в настоящее время законсервированы и лежат в сундуках ленинградских хранилищ.

С большой и обстоятельной речью выступил затем Е. А. Мильштейн, директор Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде. Он выразил сожаление по поводу того, что за последние годы, несмотря на оживленную экспедиционную работу, почти совершенно прекратилась собирательская деятельность и новые экспонаты перестали поступать в фонды Музея. Экспедиции преследуют только научные, но не собирательские цели, тогда как обе эти задачи должны быть тесно связаны.

По мнению Е. А. Мильштейна, назрело время для постановки вопроса о том, чтобы Музей этнографии Академии Наук СССР не ограничивался показом народов зарубежных стран, а отражал бы в своей экспозиции и все народы Советского Союза. Далее он остановился на целом ряде других актуальных вопросов музейного строительства в нашей стране — о подготовке кадров этнографов, о координации работы центральных музеев с музеями союзных и автономных республик, о принципах экспозиции этнографических материалов советского периода и др.

3 февраля на последнем пленарном заседании Этнографического совещания выступил академик И. Э. Грабарь с докладом «Очередные задачи изучения русского народного искусства». Великий русский народ на протяжении своей многовековой истории создал богатейшие и разнообразнейшие памятники материальной культуры. Среди этих памятников особое место занимает деревянная архитектура, являющаяся наиболее ярким образцом русского монументального искусства.

После краткого очерка развития русского деревянного зодчества докладчик остановился на вопросе об использовании в практике современного колхозного строительства лучших образцов народного искусства. В то же время реконструкция городских и районных центров, а в отдельных случаях переноса целых селений выдвигают новую задачу отбора, концентрации и сохранения всех ценностей, созданных в области зодчества предшествующими поколениями. Особенно остро стоит этот вопрос в связи со строительством гидроэлектростанций на Волге; строительство плотин, создание новых огромных водохранилищ вызывает необходимость затопления отдельных низко расположенных районов, в связи с чем часть селений будет полностью или частично переноситься в другое место. Учитывая это, институтами истории искусства и этнографии АН СССР уже в 1950 г. была организована комплексная экспедиция в районы Верхнего Поволжья с задачами изучения и фиксации памятников народного зодчества этих районов, а также проведения практических мероприятий, обеспечивающих сохранение и частичный вывоз тех из них, которые представляют наибольшее значение для истории, для развития советской культуры и науки. Как сообщил академик Грабарь, экспедиция не только наметила к вывозу ряд ценнейших памятников, но открыла новые страницы в истории русского искусства, обнаружив применение заме-

³ Переработанный доклад публикуется в настоящем номере журнала.

чательных лепных скульптурных украшений во внутренней части избы в Некрасовском районе Ярославской области, а также изучив особый, не известный до сих пор тип свайных построек в часто затопляемых местностях Поволжья. Исключительную ценность представляют собой образцы резьбы по дереву и собранные экспедицией сведения о народных мастерах-резчиках. Стоит вопрос о необходимости возрождения искусства рельефной резьбы для развития его в современных условиях колхозного строительства. Экспедиция выявила целые селения, в которых колхозники, продолжая прежние традиции, создают новые, современные декоративные формы для украшения своих домов.

Работы экспедиции 1950 г., заключил И. Э. Грабарь, будут продолжены. Необходимо, кроме того, принять ряд мер к сохранению и дальнейшему вывозу замечательных памятников. Желательно использование территории, принадлежащей Историческому музею в с. Коломенском, для организации там на открытом воздухе музея русского народного зодчества. Такой музей-лаборатория, открытый для всех трудящихся, должен вести большую научно-исследовательскую работу и стать базой для работы в этой области институтов истории искусств, этнографии и истории материальной культуры. Таким путем лучшие произведения великого русского национального зодчества будут сохранены для будущего и станут достоянием всех тех, кто пожелает учиться у народа и любоваться его искусством.

На 9 пленарных заседаниях Этнографического совещания присутствовали представители более 40 научно-исследовательских учреждений Москвы (239 чел., в том числе 144 — из разных институтов АН СССР, 44 — из МГУ) и 137 иногородних делегатов. По 14 докладом состоялось 36 выступлений и сообщений с мест.

Не менее активно проходила работа 8 секций совещания:

- 1) секции изучения социалистической культуры и быта;
- 2) секции этногенеза, истории культуры народов СССР и этнической географии;
- 3) секции истории русской этнографии, фольклористики и антропологии;
- 4) секции этнографии зарубежных стран;
- 5) секции антропологии;
- 6) секции истории первобытного общества;
- 7) секции фольклора;
- 8) музейной секции.

В общей сложности на заседаниях секций было заслушано 103 доклада, в том числе 65 докладов делегатов с мест; об оживленности прений свидетельствует тот факт, что при обсуждении докладов на заседаниях секций состоялось в общем 236 выступлений.

На последнем, пленарном, заседании совещания после сообщений руководителей секций о результатах их работы выступил с заключительным словом директор Института этнографии профессор С. П. Толстов. Подводя итоги работы этнографического совещания, он отметил, что среди советских этнографов, как показала идейная направленность только что обсужденных на совещании 117 докладов, нет разногласий по вопросу о предмете и задачах этнографии. Советские этнографы повернули по тому пути, который определяется историческими решениями партии по идеологическим вопросам, пути, по которому призывали идти этнографов лучшие представители нашей науки в прошлом, в частности, великие русские революционные демократы.

Конечно, нельзя на этом успокаиваться. Мы выявили теперь и множество своих недостатков, во многих вопросах мы идем еще по пути исканий, но все же у нас есть и определенные достижения. Не только работники Москвы, Ленинграда и Грузии, имеющие старые этнографические традиции, но и многие работники других республик намечают новые пути решения вопросов, которые волнуют всех этнографов.

При обсуждении докладов, посвященных проблемам этногенеза и истории первобытного общества, с особой силой сказалось плодотворное влияние замечательных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания. Наши этнографы, освобожденные от мертвящего влияния догматической схемы Марра, пошли по пути творческих поисков в решении сложных и очень важных для нашей исторической науки вопросов.

Высказанные товарищем Сталиным положения, подчеркнул С. П. Толстов, пронизали всю работу нашего совещания. Они определили и самую тематику совещания, и содержание докладов, они вдохновили наших этнографов на постановку и обсуждение многих накопившихся в этнографической науке дискуссионных вопросов. Успех нашего совещания, заключил он, является одним из проявлений животворного влияния на развитие всех отраслей нашей науки трудов великого корифея советской науки — товарища Сталина.

После обсуждения и принятия резолюции участники совещания поручили Президиуму послать И. В. Сталину приветственную телеграмму.

Т. А. Жданко